

УДК 101:(30+930.1)

ИСТОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.А. Терещенко

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимоотношений социальной теории и исторического знания. Автор полагает, что игнорирование исторической точки зрения является одной из причин кризиса социальной теории в целом и социальной философии в частности. В свою очередь, дистанцирование истории от проблем философии приводит к мировоззренческому обесцениванию исторического знания.

Ключевые слова: историческое мышление, историзм, социальная философия как дискурс настоящего, история как дискурс прошлого.

Сегодня специалист в области социальных наук испытывает острую нехватку исторической культуры мышления. Особенно это ощутимо в отечественной науке, так как Россия не имела укорененной просвещенческой (исторической по своим корням) традиции. Конечно, речь идет не о фактическом знании истории, а об опыте существования и мышления в обществе, которое по природе своей исторично, а также об опыте познания истории, который сегодня не всегда востребован. Гуманитаристика живет так, будто у нее нет опыта конкретно-исторического анализа, в очередной раз подтверждая высказывание Гегеля: «Опыт истории показывает, что человечество не желает учиться у опыта истории».

Главный тезис, который мы выдвигаем, заключается в том, что объективно существует острая необходимость исторического подхода в социальном познании, которое в течение длительного времени было фактически лишено исторического измерения. Провозгласив себя дискурсом настоящего, социальная теория вывела историческую проблематику (в онтологическом, гносеологическом и эпистемологическом аспектах) за пределы предмета своего интереса. Однако, как и любой теоретический дискурс, дискурс настоящего имеет пределы. Игнорирование опыта, полученного исторической наукой, ведет к мельчанию исследовательского подхода в социогуманитарной сфере, а конкретное исследование делает слишком абстрактным и уязвимым перед реалиями времени.

Обращение к истории социальной философии и исторической науки может помочь понять специфику их взаимоотношения сегодня и то, насколько это взаимодействие продуктивно. Сложность заключается в том, что понятия «история» и «социальная философия» имеют множество значений. Понятие «история» можно свести как минимум к трем основным смыслам: реальная событийная канва жизни человека и общества, историческая наука и историческое сознание,

далеко не тождественное сознанию историка. Для выражения третьего значения в разное время использовались различные понятия, пересекающиеся, но не покрывающие друг друга: исторический опыт, историческое сознание, историческая культура, историческая идентичность и т. д., то есть то, что можно назвать в широком смысле историческим дискурсом, являющимся частью исторической практики, в которую «просачиваются» отдельные интуиции исторической теории.

Понятие «социальная философия» также нуждается в пояснении. Во-первых, речь пойдет о традиционной теории общества, сложившейся в философии в классическое Новое время (для простоты сузим рамки – Гегель, Конт, Маркс). Говоря об этом этапе, мы будем употреблять понятие «философия общества». То, что философия в это время увидела общество в качестве одной из своих проблем, еще не означает формирования собственно социально-философского дискурса. Общество было «одним из» предметов анализа. Во-вторых, следует особо рассмотреть проблематику взгляда на мир с позиции социального (то, что В. Фурс назвал позицией, формирующей собственно социально-философский взгляд [1, с. 45–44]), которая стала возможной только в конце XX века, когда сама проблема социального встала перед исследователями в полный рост. Именно эту дисциплину мы и будем называть «социальной философией», именно о ее потребности в историческом подходе мы и будем говорить, ведь если социальная философия находится в процессе формирования, «детские болезни» ее не минуют. Поэтому мы увидим проявление синдрома отторжения истории вплоть до провозглашения принципа конца истории, выдвинутого мыслью постмодерна.

Показательно, что собственно историческая наука, философия истории и то, что со временем станет социальной философией, формируются примерно в одно время. История пытается осмыслить феномен прошлого, философия истории – предельные цели и основания общества, существующего в истории, социальная философия – общество как таковое. Предмет нашего внимания – история и философия общества.

Общество в его прошлом и его настоящем – вот что является предметом заботы обеих дисциплин. История смогла сделать общество ощутимым как предмет исследования, «поместив» его в прошлое, тем самым «зателесив», сделав более устойчивым и предсказуемым. Философия сделала предметом рефлексии собственно историческое время (чего не могла сделать история), тем самым стремясь понять общество в его изменчивости.

Нужно отметить, что история первой прошла путь, по которому впоследствии шла вся гуманитарная наука: наивная стадия мифологизации и натурализма; претензии пантеоретического дискурса, выраженные в принципах историзма; разочарование в собственных теоретических основаниях и отказ от истоков; попытка атомизации предмета и дискурсивных форм; поиск методов, подтверждающих собственную исключительность; опаматование и возвращение к колоссальному опыту многих поколений историков в воссоздании и осмыслении прошлого человечества. Социогуманитаристика идет по следам истории.

Временем становления обеих дисциплин можно назвать рубеж XVIII – XIX веков. Конечно, это условность, но наша задача состоит не в скрупулезном указании дат, а в фиксации тенденции. Катализатором процесса стала Великая

французская революция. Именно она, по мнению большинства историков и философов, обнаружила общество как предмет, так как обнаружила прошлое: перемены, произошедшие между 1789 и 1815 годами, были столь разительными, что помогли сформулировать представление о прошлом как о Другом, осознать *качественный разрыв* между прошлым и настоящим. Конечно, ничто не ушло безвозвратно. Люди, осколки институтов, традиции продолжали существовать. Однако произошедший социальный сдвиг изменил лик Европы до неузнаваемости. Стало ясно: прошлое – это не то, что прошло или предшествует. Прошлое – это принципиально Другое, оставленное, выработанное, мертвое. Наверное, именно поэтому Рикер будет говорить, что с прошлым невозможен диалог, так как оно не может ответить, ибо «ушло от нас навсегда».

Открытие прошлого дало колоссальный импульс развитию философии общества. Определенная, «застывшая» история дала философам возможность сконструировать понятие общества как такового, тогда как изменяющееся настоящее не позволяло этого сделать. Понятие «общество» было просто невозможно без открытия, сделанного исторической наукой. Но у философии был свой козырь. Как пишут сами историки, время не было предметом их исследования, оно было лишь его условием. Анализировала это условие философия. Время стало исследоваться в связи с характером человеческой деятельности. Постепенно появляется целый ряд понятий, характеризующих время: длительность, динамика, становление, темп, темпоральность. История знает время, которое уже схвачено ставшим. Это время-вечность. В нем важна не изменчивость, а собственное качество. Возможно, поэтому история инстинктивно избегает больших длительностей, если, конечно, они не связаны с удивительно медленным темпом разворачивания исторического процесса, так как временные характеристики тоже меняются.

«Разделение обязанностей» еще трудноуловимо, когда речь идет о начале XIX века. История философична, философия исходит из пользы истории как средства достижения национальной, политической идентичности. В это время формируется историзм как теоретический принцип, который равно успешно работает как в истории, так и в философии. В философии возникает такое интересное явление, как исторический материализм. Мы сейчас говорим не о марксизме, хотя, конечно, исторический материализм без Маркса – нонсенс. Нам важно лишь то, что материализм – исторический. Был и исторический идеализм (например, идеализм Гегеля, хотя он так не назывался). Важно, что время попало в фокус интереса. Гегель, как пишут многие исследователи, был первым, кто сделал точку зрения модерна предметом размышления, определив Другое не как прошлое, а как будущее. Конечно, до него был Кант, рассуждавший о современности, но в его размышлениях нет желания осмыслить качественное различие времен, есть лишь интуиция их сосуществования. Гегель, формулирующий идею истории, полагает время фактором становления, дающим возможность помыслить качественные, а не только количественные отличия. Он ставит в фокус анализа время социальное, отличное от субстанциального времени Ньютона и априорной его трактовки у Канта. Интересно, что именно в результате полагания Гегелем точки зрения модерна удалось развить кантовские интуиции и сформулировать идею

современности как настоящего (о чем говорит, например, М. Фуко в лекции «Что такое Просвещение» [2, с. 345–348]).

Появившееся прошлое стало не просто предметом рефлексии, а самым настоящим предметом практического опыта. Как пишет Ф. Анкерсмит, «история заставила нас напрямую столкнуться с ней» [3, с. 443].

XIX век не без основания получил название века истории. И дело не в том (или, точнее, не только в том), что XIX век еще демонстрирует отношение к истории как к некоторому субъекту (История рассудит, расставит все на свои места), а в том, что открыт сам факт истории как Другого и сформировалась первая социогуманитарная дисциплина. Именно потому К. Маркс говорит, что нет другой науки, кроме науки истории, подчеркивая историчность развития мира в целом и знания о нем. Однако XIX век, век серьезнейших социальных потрясений, обнаружил и потрясающую неустойчивость едва открытого настоящего, его зыбкость на фоне монументального прошлого, что быстро вызвало тотальную реакцию раздражения и усталости. Историческое сознание, сформированное в религиозной эсхатологической установке и оперирующее представлениями об универсальных целях, предельных основаниях, столкнувшись не только с идеей Другого, но и со стремительной сменяемостью Другого «Другим Другим», стало терять какие бы то ни было ориентиры. Закончилась История, которую писали с большой буквы и о которой Р. Барт говорил, что она хотя и сурова, но отличается последовательностью, упорядоченностью и определенностью, что позволяет существовать в ее пространстве достаточно уверенно, пусть и трагично (см., например, [4, с. 126–130]). Глобальные социальные и политические катаклизмы породили у человека ощущение глубокой апатии. Исторический взгляд на мир (то, что Рикер называет исторической культурой) подвергся серьезным испытаниям. Кроме того, Другое как время стало требовать осмысления Другого как пространства. Динамика процессов усилила их экстенсивность. Пространство стало обнаруживать свои не только количественные (например, размеры, границы), но и качественные характеристики (например, разноландшафтность). Оказалось, что «синкопированное», «пульсирующее» время не может протекать в равномерном, бескачественном пространстве. Ландшафтный принцип появляется в философии Шпенглера. Более того, стало очевидным, что и история как наука разворачивается пространственно (об «умопостигаемом пространстве (поле) исторического исследования» говорит А. Тойнби [5, с. 21–41]).

Идея Другого пространства поставила перед историком проблему Масштаба истории. Историческое пространство (и умопостигаемое пространство исследования) то сжимается (история как биография), то расширяется вновь (интеллектуальная история, Большая история, «интегральная» история). И если раньше предметом сознательного выбора могла быть история «малого порядка» (П. Рикер, рассуждая об Элиасе, пишет, что макроисторический масштаб фактически предзадан), то сегодня именно макроистория может стать предметом осознанного и достаточно рискованного выбора исследователя.

Проблема масштаба, которую решает историк, также важна и для социального философа. Фрагмент «Смена масштаба» книги П. Рикера «Память, история, забвение» начинается эпиграфом из «Мыслей» Паскаля: «Город, деревня – издали

это город и деревня, но по мере того, как мы приближаемся к ним, – это дома, деревья, черепицы, листья, травы, муравьи, ножки муравьев, и так до бесконечности» [6, с. 293]¹. Определенный фокус зрения, приближение или удаление предметов (как во времени, так и в пространстве) дают разные картины, усугубляя или сглаживая их различия². Историк обладает умением «приближать» прошлое, сохраняя при этом историческую дистанцию [7, с. 43], работать с неравномерностью времени, «наплывами» одного времени на другое. Это умение имеет реальную основу в опыте исторического субъекта, который, как правило, имеет практическое отношение к прошлому (то, что П. Рикер называет «свое прошлое», а Ф. Зелинский – «своя античность»), выбирается субъектом с позиции настоящего и поэтизируется. Возможно, это то, что станет впоследствии «возвышенным историческим опытом» (Анкерсмит). Здесь философия задает истории вектор, позволяет понять, *что* изучать, что актуально в человеческом плане.

Именно игнорирование неравномерности и разнокачественности исторического пространства привело к тому, что принцип историзма был сформулирован в версии всемирно-исторического процесса, которая так легко вульгаризировалась. Открытие исторического пространства привело к кризису (первому ли?) принципа историзма. Первым этот кризис обозначил Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни». Он говорит о трех типах отношения к истории, в которых фактически предлагает переосмыслить исторические основания самопостижения человека. Однако, как это часто бывает, первая критика стала не только «шагом вперед» и блестящей иллюстрацией противоречия сформированного в пространстве историзма исторического сознания, но и «двумя шагами назад». Как пишет Анкерсмит, «Ницше проповедует реакционный возврат к неисторичному трансцендентализму Просвещения» [3, с. 437]. Понятие а-исторического у Ницше, безусловно, имеет важное значение и для истории, и для философии, но этот разрыв с историзмом стал, пользуясь терминологией того же Анкерсмита (лакановской по своему генезису), «очередной травмой» для сознания историка. С этого момента фактически начинается разлад истории с социальной теорией, в частности с философией общества. История «бросилась в цепкие объятия» позитивизма, философия общества, жаждущая единства и целостности, ушла в философию культуры.

В XX веке работа Ницше получила новое, почти буквальное звучание, выразив настроение если не анти-, то неисторичности. Философия быстро уловила это умонастроение и отозвалась появлением идеи «неисторического события». Именно так К. Ясперс назвал Первую мировую войну. Толкование неисторического у Ницше и Ясперса было разным. Ясперс говорит о том, что событие утратило собственно человеческое (по Ясперсу это почти однозначно нравственное) измерение. Ницше не интересуется этическая составляющая историчности/неисторичности, он говорит о подавленности человека историей. Однако они оба говорят о несоизмерности истории человеку.

В позитивистски настроенной науке и философии начинается буквально крестовый поход против историзма. Фактически речь шла не об историзме, а о его

¹ Фрагмент дан с некоторым сокращением.

² Социальная философия (или философия общества) тоже ищет масштаб общественных отношений, то на уровне универсальных мета-форм, то на атомарном уровне.

фантоме, получившем название «историцизм». Конечно, концепт, отражавший реалии XIX века, не мог без соответствующей критики использоваться для анализа реалий XX века, но историцизм нужно было переосмыслить, а не игнорировать.

Борьба с историцизмом («историцизмом») сопровождалась отказом от рассмотрения человека как родового существа. Начался переход к разным номиналистически окрашенным версиям социологии. Ситуацию в философии не изменило и распространение в социогуманитарном познании герменевтического метода, который традиционно (хотя достаточно условно и даже голословно) связывается именно с историческим познанием. В сущности же речь шла о том, что в социогуманитарной теории на первый план выходила филология, которая и распространила принципы филологического анализа текста на другие области познания, а появление так называемой исторической герменевтики лишь легитимировало этот переход, придав ему вид научности.

В XX веке идея Другого стала применяться к теоретическому дискурсу. Обнаружилось, что теория всегда несколько запаздывает в применении своего аналитического инструментария. Общество, которое предстало перед историком (философом) как дискретная форма, оставалось предметом знания, развивающегося континуально. Именно это противоречие приводит к идее археологии знания, которая блестяще была разработана М. Фуко и распространилась в социальной теории. Идея дискретности знания позволила Фуко предложить концепт эпистемы, но идея разрыва настолько увлекла его, что он проигнорировал момент отношения между эпистемами.

Активные исследования в области философии науки и эпистемологии находили свое отражение и в исторической науке, которая со временем перестает быть просто реконструкцией прошлого. В истории идет переосмысление «ремесла историка» (М. Блок). Попытка преодоления негативных последствий исторических реконструкций позволила сделать ряд методологически важных выводов. Во-первых, стало ясно, что реконструкция может быть чревата натурализмом и мифологизмом, если будет опираться только на генетический принцип. Неслучайно М. Блок, например, говорит, что историческая реконструкция не является изначальной и единственной целью исторической науки¹. Однако (и это во-вторых) игнорирование исторической реконструкции генетического типа приводит к деформации человеческой исторической идентичности. В-третьих, стало очевидным, что сами методы носят исторический характер и должны меняться в зависимости от ситуации.

Итак, история и философия связаны, но в чем «польза» истории для философии общества, каково сегодняшнее отношение социальной философии и исторической науки? Эту пользу можно определить в нескольких аспектах.

Самый очевидный смысл «пользы» истории для философии определил П. Рикер в интервью «Интерпретируя историю»: «...конфигурация современной философии в целом представляется неопределенной, потому что нам недостает ретроспективного видения, необходимого при историческом рассмотрении» [7, с. 12].

¹ Этому фактически посвящена вся книга «Апология истории...», особенно те ее части, в которых М. Блок рассуждает о методах исследования («Историческое наблюдение», «Критика», «Исторический анализ»). См. также статью А.Я. Гуревича «Марк Блок и "Апология истории"» [8, с. 30–105, 194].

Конечно, это так, но этого недостаточно. Если мы будем постоянно ставить проблему в историческую ретроспективу, то попадем в зеноновскую апорию «Ахиллес не догонит черепаху», будем отставать от своих целей. Познание «здесь и теперь» позволяет сконцентрироваться на настоящем, на конкретной задаче, видеть перспективы (речь идет именно о перспективном, а не утопическом взгляде).

История и социальная философия развивались не всегда параллельно. Фактически они работали в едином исследовательском пространстве, которое рассматривалось в разных временных рамках. История и философия играют на одном поле. Более того, до XIX века фактически на этом же поле играло и естествознание. Ярчайшим примером того может быть явление энциклопедизма. Завершение энциклопедизма говорит вовсе не о том, что объем памяти человека стал меньше. Целостность человеческого мира породила определенную простоту и прозрачность понимания. Усложнение структуры вело к дезинтеграции единого, к разрывам поверхности. Это не Гегель был последним энциклопедистом, это общество перестало быть целостным объектом, который даже в своих разных ипостасях может быть помыслен как единое, чему есть множество примеров. Единое общество не только поддерживалось единым порядком, но имело единую физику, математику, историю и философию. Усложненная социальная структура не позволяет сохранить плотную сцепку отношений. Связи рвутся, разрыв создает прошлое, предмет/объект. Появляется идея соединения, союза, политически манифестированного, а не ситуативного, субъективно поддерживаемого, безлично-цехово определенного. «Нет во мне ни эллина, ни иудея»? Оказалось, что есть. И как только стороны осознали свою отдельность, возникла идея объединения (к примеру, Интернационал).

Именно это *ушедшее в прошлое единство* европейского общества и научной картины мира позволило философии общества сформироваться, а истории – понять, что и у времени есть история (З. Бауман). История и теория не разошлись. Еще бытует представление о том, что описание равно предмету, но появляется и интуиция того, что историческое описание (нарратив) не тождественно «телу» истории.

Историческая наука первой среди социогуманитарных дисциплин прошла все этапы становления. Она же первой ощутила все «прелести» и последствия лингвистического поворота. Текст стал предметом анализа именно в рамках истории (вслед за филологией и философией). Он также стал предметом, пространством опыта, объектом воздействия, инструментом, который можно использовать в разных целях. Именно история (наряду с литературой) стала пространством интерпретации и разработки герменевтического метода. Именно в истории этот метод показал свои границы (например, К. Гемпель, выступая против В. Дильтея, отмечает, что герменевтический прием понимания есть не научный ход, а психологическая уловка).

Критика нарративов, захватившая социально-гуманитарное знание в конце прошлого века, ударила и по историческому знанию. Однако именно история продемонстрировала устойчивость по отношению к этой критике.

Если некоторая форма строится по нарративному принципу, она рискует быть превентивно завершена либо старым примером (проверка на прошлость,

своеобразный мифологизм), либо утопичной выдуманной конструкцией. Оба варианта чреватые волюнтаризмом и одномерностью. Однако история не боится нарративности, ведь исторический процесс, попавший в фокус реконструкции, в определенном плане завершен: прошлое не имеет сослагательного наклонения. Историческая наука в какой-то мере реабилитирует нарратив, показав, что нарративность не есть показатель теоретической порочности (что очень важно), ибо теория всегда нарративна.

Следующее свидетельство необходимости истории для социальной философии состоит в том, что история дает для анализа устойчивые формы опыта, позволяющие конструировать живой, а не мнимый предмет исследования. Например, Хайдеггер, размышляя о времени, задается вопросом: «Почему по “временной” характеристике сбывающегося “во времени” присутствия именно прошлое имеет подчеркнутую функцию?» [9, с. 379]. И отвечает: несмотря на то что, на первый взгляд, настоящее должно обладать этим преимущественным значением, оно им не обладает, поэтому именно прошлое есть выведенная на поверхность истина присутствия, алетейя.

Известно, что исторический факт и социальный факт не тождественны. Но как эта нетождественность может быть полезна социальной философии? Ответить на этот вопрос сложно, так как сложно определить, что такое исторический факт. В контексте размышлений о «*том же самом и ином*» Рикер пишет, что в истории есть только один очевидный факт – «факт первозданной инаковости» [7, с. 42], то есть сам разрыв и есть единственный исторический факт. Интересно, что у Ж. Деррида есть выражение «то же самое не есть то же самое»: дескрипция нетождественна предмету. Это «субъективный образ объективного мира». Однако при анализе исторического события мы можем видеть, как субъективные силы выводят объективное на поверхность, событие кристаллизуется в историческом факте, когда мы осознаем его как предмет опыта, оставленную живой жизнью форму. Наличие этого факта свидетельствует о том, что субъекты истории обладают некоторыми общими качествами, их коллективная субъективность и субъектность есть формы проявления объективного. Неслучайно практически все крупнейшие историки и историографы современности говорят о двойственности исторического опыта (объективный и субъективный опыт, который к тому же они очень четко отграничивают от субъективности взгляда историка). Понятия «исторический факт» и «историческое событие» являются теоретическим фундаментом для понимания, конструирования понятий «социальный факт» и «социальное событие». Последние при этом получают содержательное наполнение.

Как это ни парадоксально (об этом не принято говорить), но в пространстве исторической науки сформировались многие понятия, которые сегодня воспринимаются как слагаемые постмодернистского дискурса. Почему же при этом постмодернисты не обращаются непосредственно к истории? Просто самое близкое оказывается самым далеким либо не нуждающимся в усилии понимания. Так, вопрос, который мучил философию в XX веке (каково место философии в культуре, зачем она нужна человеку, да и нужна ли вообще?), ранее был сформулирован Ницше в отношении к истории (в работе «О пользе и вреде истории для жизни»). Именно в истории формировались понятия, которые сегодня так популярны в философии: «разрыв», «след», «другое», «различие», «то же

самое» и т. д. Историческая наука обнаруживает их как точки демаркации в реальном историческом процессе, затем использует эти концепты как инструмент. Современная же (точнее, постсовременная) мысль абсолютизирует, а возможно, и онтологизирует эти понятия, выводит их на уровень чистой абстракции, превращает в проблему. Однако без плоти исторического исследования даже эти абстракции были бы невозможны. Так, проблема социального, ставшая одной из острейших в социальной теории конца XX века, решается параллельно в социальной теории и исторической науке. Одним из самых ярких теоретиков, пытающихся осмыслить социальное, был Ж. Бодрийяр. Однако природа социального становится понятной именно благодаря исследованиям историков. Так, А.Ю. Уваров и П.Ю. Согомонов, которые анализируют реалии французской истории XV века, дают блестящий анализ природы социального в контексте раннего Нового времени [10, с. 135–159]. Именно история дала возможность понять социальное не просто как теоретическую конструкцию, сетку познания, а как живой процесс, что стало возможным только при учете опыта собственно исторических исследований.

На заре своего становления историческое знание и философия общества существовали в уникальных условиях: границы между историей и теорией практически не существовало. Это был прекрасный миг классики (как ее определял Гегель), когда противоречия развития еще не обнаружены во всем драматизме, а отношения уже стали столь сложными, что создали картину удивительной, пусть и трагической, гармонии человека и мира. Однако если сегодня общая теоретическая картина далека от классики, зачем же мы обращаемся к вопросу об отношениях истории и социальной философии?

Современная познавательная ситуация имеет значительное сходство с ситуацией первой половины XIX века. Во-первых, в обеих ситуациях происходило переосмысление времен, только на разных основаниях. XIX век смотрел в будущее, его современник торопил время, ему хотелось забежать вперед, увидеть *ожидаемый* им результат; он не видел настоящего и... наталкивался на то, что Гегель назовет иронией истории. Наш современник – на перепутье. Еще вчера он пытался осмыслить настоящее, не заглядывая в будущее, которое слишком часто, как он считал, обманывало человечество (ситуация постмодерна). Но сегодня стало ясно: человеку невозможно не думать о будущем, не жить ожиданиями, не строить планов. Неслучайно Августин говорил о будущем как о надежде. Сегодня человеку предстоит «собрать» время, которое тоже имеет историю. Конечно, разные отправные временные точки меняют характер рефлексии. Рефлексивность первой половины XIX века – это «критическая критика», направленная на объект. Сегодня критика направлена на субъекта, катастрофически теряющего свои субъектные качества. «Собирание» времен есть путь к «собиранию» субъекта, к восстановлению исторической составляющей идентичности современного человека (ситуация after-постмодерна). Очевидно, это движение возможно только в объединении исторического и социально-философского взглядов.

Summary

N.A. Tereshchenko. Historical Knowledge and Social Theory: the Experience of Interaction.

The paper regards the relations between social theory and historical knowledge. Ignoring the historical point of view is supposed to be one of the reasons for the crisis of social theory as a whole and social philosophy in particular. In its turn, estranging the history from the problems of philosophy leads to worldview devaluation of historical knowledge.

Key words: historical thinking, historicism, social philosophy as a discourse of nowadays, history as a discourse of the past.

Литература

1. *Фурс В.* Критическая теория «современности» (анализ формирования одной социально-философской концепции) // *Логос*. – 2004. – № 1 (41). – С. 43–44.
2. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: *Праксис*, 2002. – 384 с.
3. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. – М.: *Европа*, 2007. – 612 с.
4. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
5. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. – М.: *Прогресс*, 1991. – 736 с.
6. *Рикер П.* Память, история, забвение. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 728 с.
7. *Рикер П.* История и истина. – СПб.: *Алетейя*, 2002. – 400 с.
8. *Блок М.* Апология истории или Ремесло историка. – М.: *Наука*, – 256 с.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: *Ad Marginem*, 1997. – 451 с.
10. *Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю.* Парадоксы вывихнутого времени, или Как возникло социальное // *Конструирование социального: Европа V – XVI вв.* / Сост. П.Ю. Уваров, И.В. Дубровский. – М.: *Эдиториал УРСС*, 2001. – С. 135–159.

Поступила в редакцию
03.12.09

Терещенко Наталья Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и культурологии Казанского государственного университета.
E-mail: tereshenko_tata@mail.ru